

Дело об адресате

Б. В. Орехов

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Реконструкция адресата текстов Р. Г. Назирова (как художественных, так и научных, и уж точно — в эго-текстах), как кажется, способна довольно много дать для понимания их структуры в отдельности, а также и для уяснения общих оснований, самой интенции письма в университете Назирова. Так, филологические труды учёного почти никогда не обращены к равному по уровню знаний коллеге по цеху. Уже много раз отмечалось¹, что статьи Назирова рассказывают, поучают, просвещают, сообщают массу сопутствующих сведений, то есть более походят на лекции, чем на прототипические экземпляры литературоведческих исследований. Лекции традиционно обращаются к младшим коллегам по цеху. Почти обязательны в статьях Назирова историософские финалы с нравственной, то есть неявно-дидактической доминантой. Можно собрать коллекцию таких пассажей:

«Значит ли это, что мы обязаны вернуться к мифам прошлого? Нет, мы всего лишь должны научиться их уважать»; «Но история — великая обманщица, она симулирует все болезни, которых на деле нет. Такою же великой обманщицей является модная беллетристика наших дней, забывшая о нормах здоровой речи»; «... ибо свободу можно достичь, обеспечить и развить только на путях братства людей, уважения к личности и любви ко всему, что живет, растет и дышит»².

С этой точки зрения, единство с научными текстами составляет и художественная проза Назирова. Здесь тоже проявляет себя нравственно-

---

¹ ср. «... форма авторского изложения материала, с её упрощённостью обобщений и логических переходов, с тезисностью и аксиоматичностью, которые более свойственны устной речи (сообщение, доклад, лекция, диспут)» Уляшев О. И. Самообманы цивилизации или самоосмысление культур? // Назировский архив. 2014. № 3. С. 172.

² Назиров Р. Г. Генезис и пути развития мифологических сюжетов // Фольклор народов России. Русский фольклор Башкортостана в его межэтнических отношениях: Межвузовский научный сборник. Уфа, 1995. С. 165; Назиров Р. Г. Фигура умолчания в русской литературе // Поэтика русской и зарубежной литературы: Сборник статей. Уфа, 1998. С. 71; Назиров Р. Г. Петр Верховенский как эстет // Назиров Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 93.

дидактическая установка³, а адресат по мере взросления биографического автора остаётся в том же возрасте, то есть дистанция между субъектом и адресатом со временем разрастается, обозначая в начале творческого пути диалог равных молодых людей и диалог взрослого учителя и юного воспитанника в зрелые годы Назирова. Трудно сказать, какова первичная направленность этой системы: то ли молодость гипотетического адресата заставляет чувствующего себя старше и мудрее субъекта-Назирова поучать, то ли желание, умение и способность получать от этого удовольствие у Назирова-автора провоцирует его видеть своим адресатом того, кто в том или ином виде ниже автора в его собственной иерархической системе.

Дидактизм назировских текстов⁴, его стремление к императивному внушению важных для него идей («Он был совершенно прав»⁵), в общем, могут служить хорошим параметром атрибуции дубиальных слушаев. Если бы исследователи столкнулись с произведением, в авторстве которого не были уверены, одним из сильных аргументов «за» или «против» гипотезы об авторстве Назирова могло бы стать наличие или отсутствие нравственного или историософского дидактизма в спорном тексте.

Учитывая, что научные и художественные жанры охватывают существенную часть письменного наследия Назирова, естественным будет вывод о том, что такой формат адресации, к иерархически нижестоящему объекту, является для уфимского учёного доминирующим. Тем примечательнее, что эго-тексты Назирова по этому параметру радикально отличаются. Можно сказать, что дневниковые записи чуть ли не единственные в своём роде (или, по меньшей мере, единственные в классе так объёмно представленных в наследии Назирова жанров): они обращены к равному по уровню интеллекта и эрудиции читателю, которому Назиров не стремится объяснить, истолковать или передать мировоззренческие установки.

Дневники пишутся Назировым в обычном для подобного формата доверительном модусе, там повествуется о личных событиях, значимых впечатлениях дня, фиксируются этапные происшествия, которые, к сло-

---

³см. Орехов Б. В. Очерк малой прозы Р. Г. Назирова // Назировский сборник. Уфа, 2011. С. 25–42.

⁴Он проявляет себя и в поздней большой прозе. Об этом см. в нашей статье Орехов Б. В. «Звезда и совесть» как учёная проза // Назировский архив. 2016. № 1. С. 181–190, где мы показываем, что это произведение одновременно учёное и учебное.

⁵Назиров Р. Г. Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул. Автореф. дисс. ... докт. фил. наук. Екатеринбург, 1995. Ср. Назиров Р. Г. Очерки по истории лингвистики. Словарь // Назировский архив. 2015. № 1. С. 27; см. об этом: Орехов Б. В. Предисловие к публикации <Назиров Р. Г. Очерки по истории лингвистики. Словарь> // Назировский архив. 2015. № 1. С. 7.

ву, могут вовсе не представляться таковыми внешнему читателю, так что тут важна ещё одна характеристика адресата: заинтересованность фигурой субъекта.

Кто же этот равный, близкий, заинтересованный адресат дневников Назирова? Ответ на этот вопрос не может быть простым.

Во-первых, адресат может быть деперсонализован, или, что близко, слабо отрефлектирован. В таких случаях, кажется, адресат оказывается предельно близок к самоидентификации субъекта. Действительно, Назиров нигде прямо не говорит о том, к кому обращается в своих записях, избегает соответствующих синтаксических конструкций, которые вскрыли бы для нас фигуру читателя. В то же время нет и текстуальных подтверждений, что автор обращается к себе. Конечно, не следует забывать, что ряд исследователей (в частности, А. А. Зализняк) считает, что «адресатом дневника является его автор. Дело в том, что адресат и круг предполагаемых читателей—это две разные функции. Человек пишет дневник, имея в виду, что его могут/будут читать такие-то люди или что его не прочтет никто. Однако *адресатом* своего текста является он сам»⁶. Нам такая формулировка представляется излишне категоричной, а в применении к Назирову неверной. Нужно учитывать, что адресат — это не только участник коммуникации, но и её главная причина. Субъект пишет свой эго-текст не только для адресата, но и из-за адреса, из-за желанья общения с ним в форме дневника. Это означает, что изменения в этой коммуникации (начало дневника или его финал) должны быть обусловлены изменением отношений с адресатом.

Во-вторых, на разных этапах создания дневника представление о том, кто заполняет валентность адресата, могла быть разной. В 1950-е годы это массовый читатель будущего: «Если не умру, я опубликую много-томный дневник в 2000-м году. Это будет «Исповедь» человека двадцатого века. А сколько повестей, рассказов и романов (sic!) можно наделать из этого» (АРГН оп. 4, д. 1, л. 2). Упоминание «Исповеди» здесь значимо. «Исповедь» Руссо (без сомнений, главный ориентир галломана Назирова в момент начала дневника) имеет эксплицитованного адресата: «Я хочу показать **своим собратьям** одного человека во всей правде его природы, — и этим человеком буду я» («Je veux montrer à **mes semblables** un homme dans toute la vérité de la nature; et cet homme, ce sera moi»). В начале 1970-х годов, завершая историю дневника, Назиров проговаривается: «Мама умерла 12 ноября 1970 года. Не буду больше вести дневник.

---

⁶Зализняк Анна А. Дневник: к определению жанра // Тезисы докладов конференции «Маргиналии 2008: периферия культуры и границы текста». URL: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/conf/marginalii-2008/thesis.htm> .

Думаю, никогда». Возможно, именно мать следует считать адресатом дневника, по крайней мере, в поздние годы. Наша гипотеза в следующем: Назиров начинает писать дневник как «писательский» в классификации В. И. Щербакова, то есть в качестве «школы пера, творческого полигона, резервуара для материалов и эскизов литературных работ»⁷. Затем он всё больше становится человеческим документом, формально выраженным актом коммуникации с матерью. Действительно, при той исключительной роли, которую играла в жизни сына Э. И. Волович, Назиров упоминает её в дневнике крайне мало. Справедливо было бы предположить, что такие упоминания и не нужны в том случае, если эго-тексты адресованы именно ей: среди тех важных событий дня, которыми мы хотим поделиться с некоторым человеком, редко бывают такие, которые происходили в присутствии этого человека.

Мы пока не производили соответствующих подсчётов, но «на глазок» можем предположить, что дневниковая активность Назирова растёт именно там и тогда, когда он оказывается удалённым от Э. И. Волович: Бишкаин, Ленинград, время московской аспирантуры. Если эта тенденция подтвердится, можно было бы списать всё на естественную ситуацию, в которой человек попадает в новое для себя пространство, насыщено впечатлениями и хочет их зафиксировать на бумаге. Но не стоит сбрасывать со счетов и психологическую необходимость общения с матерью.

Когда Назиров всё же пишет о ней, то получается текст подобного рода: «Мама свое отработала. Она много сделала за свою жизнь. Очень много. Была ткачихой на Пресне, стенографисткой в Магнитке и там, в газете строительства, стала журналисткой. В 1938 г. сидела 2 месяца в тюрьме, а в 1945 году ей дали медаль с профилем Сталина ("За доблестный труд в Великой Отечественной войне"). Сейчас маме 56 лет, но она еще здорова, хорошо выглядит. Хочу, чтобы она прожила подольше» (6 августа 1964). Такую реплику трудно считать естественной в обращении и к себе, и к собственно матери. Перечисляемые события хорошо известны всем предполагаемым участникам коммуникации. Фраза приобретёт естественность, если её немного трансформировать, трактуя как косвенный речевой акт. Здесь субъект сообщает адресату, что он знает и помнит обо всех перипетиях жизни мамы, и желает ей долгой жизни, такое пожелание не звучит необычно в обращении к любому адресату.

В любом из этих случаев адресат предполагает принципиальную искренность высказывания, что, без сомнения, повышает ценность доку-

---

⁷Щербаков В. И. Дневник: проблема морфологии жанра // Начало. М., 2002. Вып. 5. С. 46.

мента в содержательном плане.

Дневниковое письмо Назирова гаснет после возвращения в Уфу с защитой диссертации и обретением семьи и детей. Сознательно работа над дневником прекращена со смертью матери. Является ли такое развитие событий следствием того, что Назирову больше не нужно было обращаться к себе через дневник? Или автор постарался избавиться от своей привычки разговаривать с матерью через эго-текст, чтобы избежать неприятного раздвоения после её смерти? Всё-таки разговоры с усопшими — это специфическая практика, не всегда сопутствующая душевному здоровью. Назиров вполне мог осознавать это.

Читала ли Э. И. Волович дневники сына при жизни? Ответить на этот вопрос с уверенностью мы не можем: многое зависит от соблюдения сферы приватности в семье Назировых. По крайней мере, маловероятно, что мать совсем не знала о дневниковых занятиях сына: за годы создания дневника накопилось в материальном выражении внушительная стопка бумаги, которую городскому человеку сложно хранить скрытно в тех квартирных условиях, в которых существовала семья автора дневника в 1950–1960-х годах.

Тематически дневник весьма своеобразен. Назиров помещает в нём то, что считает важным. И личная жизнь (а также интересные современному исследователю читательские впечатления) далеко не всегда вписываются в его представления о значимом. Что значимо в контексте дневника? Прежде всего, внешнеполитическая обстановка: события в Корее, в Алжире, в Ливии и парламентская борьба во Франции — всё то, что происходит далеко от дома и мало влияет на непосредственный быт Назирова и его близких. Дело тут, конечно, не в том, что автору очень хочется поделиться рассказом об этом с собой или своей матерью. Дело в том, что образцовый строитель коммунизма обязан интересоваться этими далёкими и даже недостижимыми происшествиями. Временные бытовые трудности не должны заслонять главного — всему человечеству, в том числе и находящимся на другой стороне Земли городам и странам, в будущем предстоит объединиться в большую коммунистическую семью, и вся современная история является подготовкой к этому венчающему её событию. Все эти многостраничные новостные дайджесты суть прежде всего послания адресату, в которых главным сообщением является то, что субъект стремится соответствовать и соответствует модельной фигуре советского человека. Ведь дневник — это «документация своей идентичности, подтверждение непрерывности своего «я», текст о самом себе»⁸.

---

⁸Михеев М. Ю. Дневник в России XIX–XX века-эго-текст, или пред-

Внутрисоюзные политические события занимают Назирова гораздо меньше. Они присутствуют в дневнике в той мере, в какой они лично пережиты (смерть Сталина) или имеют осязаемое влияние на непосредственную жизнь советского человека (обеспеченность товарами потребителей).

Уже вторым номером вслед за политикой следуют непосредственные бытовые впечатления и зарисовки. С самого начала Назиров видит в них необработанный материал для романтического творчества. В самом деле, мы знаем, что первичная самоидентификация Назирова — писатель. Таковым он осознаёт себя, по крайней мере, до середины 1970-х годов, то есть до времени, когда дневник уже не пополняется новыми записями. Сейчас, когда информацию о политических событиях XX века можно легко найти в большом разнообразии источников, самой ценной частью дневника становится именно человеческая составляющая, бытовой фон, личные впечатления: «Я вспомнил, какие бои происходят в Уфе возле Главунивермага, когда там продаются швейные машины. В отношении этого товара спрос намного превышает предложение». В этом смысле, конечно, дневник Назирова не слишком удобен для современного читателя, но для того, кто отыщет среди того, что было важно для автора, то, что интересно читателю, эти поиски окупятся с лихвой.

В этом номере мы публикуем большую подборку дневниковых записей, оцифрованных с помощью волонтеров проекта «Прожито»⁹.

Редакция журнала выражает благодарность тем, кто помогал в оцифровке рукописей:

- Алексей Сеньюхин
- Анатолий Волохов
- Лилия Галяутдинова
- Ленария Галлямова
- Лукас Корсо
- Ирина Купер
- Виктория Каськова
- Татьяна Богданова

текст. М., 2007. С. 5.

⁹<http://prozhito.org/>

- Елена Локтионова

Эта публикация делает текущий номер в некотором смысле тематическим, монономером, почти целиком посвящённым именно дневниковому жанру; некоторое отступление от этого единства — статья В. В. Борисовой о Назирове-писателе и библиографический отдел. С одной стороны, было бы логично наполнить этой публикацией традиционный для нашего журнала как раз тот самый биографический отдел: в этих текстах достаточно ценных сведений, способных бросить свет на многие обстоятельства биографии нашего главного героя. Но по нашему мнению, дневник Назирова шире его личной жизни, это важный документ эпохи, фиксирующий настроения советского человека. В этих текстах отражены и переломы, неизбежно сопровождающие взросление молодого человека (школьная любовь, драма перехода в высшую школу), и переломы, отметившие всё общество: смерть Сталина, Оттепель, смещение Хрущёва.

До некоторого момента своей жизни Назиров — «обычный» представитель советской цивилизации, и в нём, как на ленте томографа фиксируются всплески активности болезненных тем общества: военные события (конфликт в Корее, интерес к армейскому делу), Сталин и люди, десталинизация, материальные блага и снабжение продуктами. Если попробовать найти этому выражение в дневнике, то лучшим, пусть и достаточно жёстким по отношению к самому Назирову, будет часть постсталинского анекдота: «Были ли отклонения от генеральной линии партии? — Нет (Колебался вместе с линией)». Дневник не успел застать разочарования в советском проекте, которое наступило в поздние годы, и фиксируется биографическими свидетельствами, но и в этом Назиров повторял историю своего родительского общества. Его дневник, продолжающийся около двадцати лет, довольно тонко фиксирует смещения в настроениях людей, а значит, может служить хорошим источником в описании истории культурного и эмоционального фона, сопровождавшего значимые события в российской провинции. Предполагаем, что дневник будет интересен не только тем, для кого важна личная история Р. Г. Назирова, но и культурологам и специалистам в области *soviet studies*.

Учитывая двойственный характер этого материала мы решили объединить публикационный и биографический отделы, и не вводить в композицию номера специальные страницы, посвящённые биографии, о биографии Назирова — весь этот номер.